

Опубликовано в кн.:

Текст. Структура и семантика. Доклады XI международной конференции М., 2007, 138-151.

А. В. Циммерлинг (Москва)

ПОРЯДОК СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ¹

Под рубрикой «порядок слов» в лингвистической литературе изучаются по меньшей мере три разных явления — порядок элементов в бинарных группах, порядок элементов в предикативных составляющих (clauses) или замкнутых финитных предложениях (sentences), синтаксические запреты (constraints) на перестановку категорий предложения. Кратко рассмотрим эти три аспекта порядка слов на материале русского языка.

1. Популярная типологическая школа, созданная Дж. Гринбергом, выводит общую формулу развертывания предложения (SVO, SOV, VSO etc) из порядка ветвления групп типа глагол + дополнение, предлог/послелог + существительное, главное предложение + придаточное относительное и т.д. (Greenberg 1963). Направление ветвления (branching condition) отражает асимметрию главного (head) и зависимого элементов (complement): правила развертывания, отражающие относительное расположение элементов подчинительных словосочетаний, можно назвать *локальными*. Славянские языки древнего и нового времени в плане локальных правил сходны: главными параметрами являются наличие предлогов (Pr + N), препозиция глагола своим дополнениям (V + O), препозиция атрибутивного прилагательного (Adj Attr + N), постпозиция придаточного относительного главному предложению (matrix clause + relative clause). Установить направление ветвления не всегда легко. Специальная процедура нужна, если альтернирующие порядки $X + Y \sim Y + X$ имеют сопоставимую частотность, а запреты на перестановку членов группы отсутствуют.

Покажем, что порядок в бинарных группах можно выделить и там, где состав синтаксических категорий вызывает споры. Типологи и специалисты по сравнительной грамматике привыкли пользоваться терминами «прямое» и

¹. Доклад подготовлен при финансовой поддержке проекта РГНФ № 06-04-00203а “Типология языков со свободным порядком слов и модели инверсии”.

«косвенное» дополнение, изучать относительное расположение данных категорий и условия их пассивизации, т.е. продвижения в позицию подлежащего в предложениях в форме страдательного залога. Между тем в русистике со времен А.М. Пешковского существует традиция сводить понятие дополнения к предположительно более ясным понятиям «управляемого второстепенного члена» и «переходности» (Пешковский 1938, 267-269). В русле этой же традиции написана последняя академическая грамматика русского языка, где понятие «дополнение» не упомянуто вовсе: в предметном указателе к тому «Синтаксис», а также в названиях разделов этого тома данный термин не встретился ни разу (Грамматика 1980 II, 663-709). Тем не менее, прослеживается более или менее явно выражаемое согласие с тем, что в русском языке все же есть категория, ранее называвшаяся «прямым дополнением». Она наиболее тесно связана с управляющим глаголом, а ее стандартным выражением является сильно управляемая ИГ в вин.п.: та же «Грамматика 1980» недвусмысленно говорит, что «вин.п. управляют все переходные глаголы» (Грамматика 1980 II, 26). Дополнения, ранее называвшиеся «косвенными», получают дат.п., род.п. или тв.п. Кроме того, имеется более 30 трехвалентных глаголов, которые способны управлять беспредложными дополнениями в вин. п. и дат.п. одновременно (Грамматика 1980 II, 31). В большинстве европейских языков дополнения глаголы типа *ДАВАТЬ*, *ДАРИТЬ* выстраиваются в фиксированном порядке, но в русском языке допустим как порядок дополнение в дат.п. + дополнение в вин.п., так и порядок дополнение в вин.п. + дополнение в дат.п. Встает вопрос: есть ли в русском языке основной порядок развертывания в группах из двух беспредложных дополнений, и как его установить. С.А.Крылов выдвинул гипотезу, что в русском языке прямым является то дополнение, которое стоит ближе к глаголу при нейтральном порядке слов, и предложил остроумный тест, чтобы доказать первичность порядка глагол + вин.п. + дат.п. Неоднозначные цепочки из двух неизменяемых существительных, морфология которых не несет информации о статусе дополнения, чаще интерпретируются в смысле «предпочесть X Y-у», чем в смысле «предпочесть X-у Y». Так, рус. *предпочитать метро*=ДАТ.|ВИН. *такси*= ДАТ.|ВИН., скорее будет понято в смысле «предпочитать метрополитен=вин.п. таксомотору=дат.п.», чем в смысле «предпочитать таксомотор=вин.п. метрополитену=дат.п.» (Крылов 2001; Крылов 2007). Однако этот вывод можно оспорить. При другом лексическом заполнении фразы с тем же русским глаголом *ПРЕДПОЧИТАТЬ* результат будет обратным: фраза *Вася предпочел=Амели*=ДАТ.|ВИН. *Натали*=ДАТ.|ВИН., означает, скорее, что Вася

остановил свое внимание на второй, а не на первой даме, т.е. “X выбрал Z, а не Y”, а не *“X выбрал Y, а не Z”. Тем самым, если верна гипотеза Крылова о том, что прямое дополнение у глаголов с двойным управлением при нейтральном порядке слов стоит первым, мы получаем парадоксальный результат: у русского глагола *ПРЕДПОЧИТАТЬ* вообще нет прямого дополнения, так как ни один из глагольных актантов не является привилегированным².

Для глаголов *ДАВАТЬ*, *ДАРИТЬ* тест Крылова работает лучше, но результат противоречит исходной гипотезе: фраза рус. *Вася подарил Марло=ДАТ.|ВИН. Пьерло=ДАТ.|ВИН.* скорее, выражает смысл «X подарил человеку по имени Марло произведение или исполнение Пьерло», нежели «X подарил человеку по имени Пьерло произведение или исполнение Марло». Тем самым, для *ДАВАТЬ*, *ДАРИТЬ* прямым дополнением оказывается дополнение в дат.п., а не дополнение в вин.п., валентность на которое, согласно «Грамматике 1980», имеют все переходные глаголы русского языка.³ Глаголов типа *ПРЕДПОЧИТАТЬ*, *УСТУПИТЬ* в русском языке гораздо меньше, чем глаголов типа *ДАВАТЬ*, *ДАРИТЬ*. Но относить схемы линеаризации к словарной информации, которая должна отмечаться для каждого трехвалентного глагола отдельно, не хочется. Испытаем еще один тест. Как показала Т.Е.Янко (Янко 1991; Янко 2001, 188-190), в русском языке правила выбора акцентоносителя в т.н. предложениях с неингерентной темой обратно пропорциональны грамматической иерархии актантов. Чем ниже статус актанта, тем больше вероятность, что фразовый акцент придется на него: при прочих равных условиях предложное дополнение в качестве акцентоносителя обладает приоритетом над беспредложным, прямое дополнение обладает приоритетом над подлежащим и т.д. Применив тест Янко к нашему материалу, мы получим следующий результат: при естественном прочтении предложений с неингерентной темой и глаголами *ДАВАТЬ*, *ДАРИТЬ*, акцентоносителем будет ИГ в

² Это явление не уникально. Похоже ведут себя русские глаголы т.н. параметрической диатезы, любое из дополнений которых без явного изменения смысла может быть оформлено вин.п.: *намазать масло на хлеб* ~ *намазать хлеб маслом*, *залить бак бензином* ~ *залить бензин в бак*.

³ Такой результат побуждает поднять два неприятных для теории переходности вопроса: 1) Если сильноуправляемая ИГ в вин.п. может не быть прямым дополнением, следует ли признавать глаголы типа *ДАВАТЬ*, *ДАРИТЬ* переходными или нет? 2) Можно ли допустить наличие переходных глаголов, сильно управляющих не-вин.п., например, описывать глаголы *РАДОВАТЬСЯ ЧЕМУ-Л.*, *ЖЕЛАТЬ ЧЕГО-Л.*, *РУКОВОДИТЬ ЧЕМ-Л.* как переходные?

вин.п., независимо от порядка слов. Ниже фразовый акцент отмечается знаком « \»:

(1а) <Что за радость?> *Вася Амели-дат.п. Джорджо \ АРМАНИ –вин.п. подарил!*

(1б) <Что за радость?> *Вася Джорджо \ АРМАНИ –вин.п. Амели-дат.п. подарил!*

Тем самым, для русских глаголов с семантикой дарения и сходных трехвалентных глаголов, где ИГ в дат.п. выступает в семантических ролях Адресата и Бенефактива, (ср. ДАРИТЬ, КУПИТЬ, ПИСАТЬ КОМУ-Л. ЧТО-Л. и т.п.) ИГ в вин.п. является более периферийным, чем дополнение в дат.п. Мы получили тот же результат, что и при тесте Крылова. Если суммировать данные, получится два правила, первое из которых соответствует традиционной грамматике, а второе ей противоречит:

- В русском языке дополнение с семантикой Адресата при нейтральном порядке слов предшествует дополнению с семантикой Пациенса. Эта закономерность иллюстрируется на материале глаголов с семантикой дарения.
- У русских трехвалентных глаголов прямым является то дополнение, которое стоит ближе к глаголу при нейтральном порядке слов. У большинства трехвалентных глаголов таковым является дополнение в дат.п., с семантикой Адресата/Бенефактива.

Итак, проверка теста, связывающего порядок слов с рангом ИГ в структуре предложения, привела к пересмотру границ синтаксических категорий. При этом обе гипотезы — 1) о наличии в русском языке базового (или нейтрального) порядка слов в цепочках из двух беспредложных сильноуправляемых ИГ, 2) о наличии в русском языке дополнений разного уровня — оказались продуктивны. Тем не менее, две задачи — уточнение понятия «прямое дополнение» и определение нейтрального порядка слов — уместно разделить. Оба рассмотренных теста — как тест Крылова, так и тест Янко — подтвердили, что независимо от того, как решается первая задача, базовым порядком для цепочек, содержащих дополнение в дат.п. с семантикой Адресата/Бенефактива, следует признать порядок дат.п. + вин.п.

2. При рассмотрении *глобальных* правил упорядочения предложения обычно выделяют классы языков со свободным и фиксированным порядком. Русский язык принято относить к первому типу, ср. формулировку И.И. Ковтуновой о том, что

«порядок слов [в русском языке — *А.Ц.*] нерелевантен (не имеет различительной функции) на уровне синтаксической структуры предложения и релевантен (имеет различительную функцию) на уровне актуального членения (Ковтунова 1976, 15-16). Тот же автор пишет на страницах академической грамматики о том, что «в письменной прозаической [русской — *А.Ц.*] речи основной функцией порядка слов является осуществление определенной коммуникативной задачи, или актуального членения предложения» (Грамматика 1980 II, 190). При употреблении термина «свободный порядок слов» вольно или невольно возникает ассоциация с языками, где усматривается «фиксированный порядок». О фиксированном порядке имеет смысл говорить не тогда, когда сами говорящие или описывающие их язык лингвисты ощущают наличие ограничений⁴ — языков мира, где все линейные порядки во всех предложениях одинаково приемлемы, вообще не существует (Zimmerling 2006; Циммерлинг 2006) — но лишь тогда, когда синтаксические элементы определенного типа (например, финитные формы глагола, обстоятельства места, подлежащие ИГ и т.п.) занимают одну и ту же позицию. Возможны два типа фиксированной позиции — а) относительно других элементов предложения и б) относительно левой и правой границы предложения. Первый случай характерен для английского языка, где базовым является порядок Подлежащее – Глагол – Дополнение, наличие обстоятельства перед подлежащим не влияет на порядок прочих элементов. Второй случай характерен для немецкого и скандинавских языков, где финитный глагол занимает в независимом повествовательном предложении второе место от начала, при этом перед глаголом может стоять ровно один член предложения — либо подлежащее, либо второстепенный член, см. (Циммерлинг 2002). В обоих случаях имеет место

⁴. Приведем три характерных примера. Авторы учебника польского языка считают нужным напомнить читателю о том, что “Szyk wyrazów w języku polskim jest, tak samo jak w języku rosyjskim, swobodny, ale nie dowolny,” (Кротовская et alii 2005, 556). В нашем переводе: «Порядок слов в польском языке, точно так же, как в русском, является свободным, но не произвольным» [разрядка наша — *А.Ц.*]. А.А.Зализняк, автор непревзойденного по точности описания древнерусского синтаксиса, предваряет раздел о правилах расположения клитик утверждением, что «Древнерусский традиционно (и в значительной мере ошибочно) [разрядка наша — *А.Ц.*] рассматривается как язык со свободным порядком слов. Этим можно объяснить тот факт, что рассматриваемые здесь правила не были выявлены ранее» (Зализняк 1993, 281). Наконец, И.И. Ковтунова во введении к своей замечательной книге 1976 г. уверяет, что «Порядок слов в русском предложении не свободен», так как «при разном порядке слов смысл предложения, его коммуникативное назначение оказывается различным» (Ковтунова 1976, 9). Очевидно, что при таком подходе языков со свободным порядком слов просто не останется.

формальное ограничение, которое реализуется вне зависимости от намерений говорящего/пишущего. Чем больше таких ограничений, тем очевиднее они носителям языка, и тем легче представить их в виде единой схемы развертывания предложений, реализуемой автоматически. Для славянских языков главной схемой такого рода является закон Ваккернагеля, требующий постановки слабоударных элементов после первого ударного слова/первой полной составляющей (Wackernagel 1892; Jakobson 1971). Сходное ограничение есть в ряде германских языков, где перед финитной формой может стоять не более одного члена предложения — т.н. Verb Second Constraint (V-2), см. (Delbrück 1911). На основные топологические ограничения германского и славянского типа наслаиваются ограничения на расстановку других категорий предложения (подлежащего, дополнений, сентенциального отрицания и т.д.), что ведет к грамматикализации взаимосвязанных запретов на большом участке предложения или по длине всего предложения. Дальше других европейских языков в этом направлении продвинулись болгарский (славянская группа) и датский (германская группа): перестановки членов предложения и отдельных словоформ здесь не запрещены, но говорящий вынужден считаться с тем, что набор перестановок изначально ограничен нормативной грамматикой. Системы слов подобного типа сложно описать в терминах Дж. Гринберга, так как они основаны не на локальных правилах расположения элементов относительно друг друга, а на глобальных правилах линейаризации предложения в целом⁵. Системы порядка слов, основанные на глобальных правилах, составляют меньшинство от общего числа описанных систем порядка слов, но для языков Европы они весьма характерны.

В современном русском языке твердого порядка слов (= лексических категорий, Lexical Categories) нет, так как в нем невозможно обнаружить какую-либо категорию или класс слов, получающие фиксированное место в предложении. Именно это имеют в виду И.И.Ковтунова и другие русисты, которые пишут, что порядок слов в русском языке выражает актуальное членение, а не относительное расположение формально-синтаксических категорий подлежащего, сказуемого, дополнений, обстоятельств⁶. В концепции И.И.Ковтуновой, Е.В. Падучевой и Т.Е. Янко принимается, что

⁵Первым теоретиком, который осознал различие глобальных и локальных правил линейного упорядочения предложения, был великий немецкий синтаксист Бертольд Дельбрюк. Последний говорил об «относительной» и «абсолютной позиции» элементов еще в 1911 г. (Delbrück 1911).

⁶ В нашей книге (Циммерлинг 2002, 68) мы ввели для описания порядка слов в языках типа русского термин *коммуникативное кодирование*, а для описания языков с твердым порядком слов термин *формально-синтаксическое кодирование*.

предложение с одним и тем же набором элементов и лексико-синтаксической структурой может реализоваться с разным порядком слов и разной интонацией: ряд вариантов предложения, различающихся актуальным членением, называется *коммуникативной парадигмой* предложения (Ковтунова 1976, 38; Грамматика II 1980, 91), а правила, меняющие актуальное членение предложения при сохранении его лексико-синтаксической структуры — *линейно-акцентными преобразованиями* (Падучева 1984). Изменения порядка слов (= линейные преобразования) — лишь часть этих правил, поскольку предложения с одним и тем же порядком слов регулярно имеют в русском языке более одного коммуникативного прочтения. Соотношение линейных и акцентных правил коммуникативного выделения не вполне ясно. Нам представляется, что акцентное выделение элемента без изменения порядка слов имеет в русском языке приоритет над синтаксическим перемещением коммуникативно выделенного элемента, ср. (Ковтунова 1976, 76-78). В пользу этого говорит тот факт, что при образовании общих вопросов от утвердительных предложений типа *↗ Вася (Тема) ↘ пришел (Рема)* перемещение глагола в начало предложения факультативно, в то время как носителем вопросительной интонации (ИК-3 Вопр.) при любом порядке слов будет глагол: *Вася ↗ пришел? ~ ↗ Пришел Вася?* Кроме того, в русском языке есть формализованная система, позволяющая выбрать слово - носитель главного фразового акцента в любом словосочетании и предложении (Янко 1991); принципы этой системы мы уже обсуждали выше в разделе 1.

При анализе в терминах линейно-акцентных преобразований у некоторых предложений может оказаться более одного нейтрального порядка слов. По И.И.Ковтуновой, предложения *Профессор ↗ Иванов посетил нашу ↘ лабораторию* и *Нашу ↗ лабораторию посетил профессор ↘ Иванов* — в равной степени базовые (Ковтунова 1976, 182). В первом предложении темой является грамматическое подлежащее, а во втором — второстепенный член, но нет оснований думать, будто второе предложение менее базовое: в русском языке нет правила, по которому подлежащее должно непременно предшествовать сказуемому. Тем самым, теория Ковтуновой-Падучевой явно направлена против школьных представлений о «прямом» и «обратном» порядке слов, которым не соответствует никакой реальности в системе русского языка. Здесь, впрочем, уместно сделать одну оговорку. Иногда утверждают, что И.И. Ковтунова и ее последователи сосредоточивают свое внимание на примерах из разговорной речи и художественной прозы, в то время как если взять

тексты другого жанра, например, деловую прозу или письменные тексты в СМИ, результат якобы будет другим, и термины «прямой» и «обратный» порядок (научнообразно называемые в академическом стиле, соответственно, «объективным» и «субъективным» порядком) обретут языковую реальность. Такой подход равнозначен утверждению, будто в текстах на кодифицированном русском языке порядок слов является твердым и «объективным», а в разговорной речи и художественных текстах наблюдаются отклонения или авторские вольности, делающие порядок слов свободным и «субъективным». С таким мнением нельзя согласиться ни по эмпирическим, ни по теоретическим соображениям. Прежде всего, обращение к корпусу деловых текстов показывает, что все или почти все линейно-акцентные преобразования, выделенные И.И. Ковтуновой и Е.В. Падучевой, имеют в нем место, хотя и являются статистически более редкими, нежели в разговорной речи. Кроме того, отсутствие тех или иных линейных преобразований в корпусе непосредственно указывает не на состояние языка, а на отсутствие тех коммуникативных задач, для решения которых носители русского языка обычно используют эти преобразования. В то же время, в критике есть рациональное зерно: концепция И.И. Ковтуновой — Е.В. Падучевой, бесспорно, ориентирована на устную форму русского языка и на те письменные тексты, авторы которых при выборе порядка слов проговаривают предложения вслух или про себя, т.е. так или иначе учитывают просодию фразы.

Сказанное не отменяет того факта, что концепция И.И. Ковтуновой — Е.В. Падучевой в наибольшей степени соответствует интуиции носителей русского языка и позволяет строить правильные прогнозы о возможных порядках слов и типов фразовых интонаций, в то время как на основе альтернативного предположения о том, что порядок категорий предложения является твердо заданным и «объективным», такие прогнозы сделать не удастся. Лучшим подтверждением этому служат недавние работы западных русистов, развивающих идеи порождающей грамматики Н. Хомского, ср. (Bailyn 2004; Williams 2005; Slioussar 2006), где просодия фразы почти полностью игнорируется. Главная ошибка авторов названных работ заключается в том, что линейные варианты русских предложений они склонны считать коммуникативно однозначными⁷. Такой подход мотивирован свойствами языков с твердым порядком слов: в языках типа современного английского отклонения от базового порядка слов

⁷. Ср. противоположный подход, четко сформулированный И.И. Ковтуновой еще в 1976 г.: (Ковтунова 1976, 8).

возможны только при строго определенной коммуникативной интерпретации и невозможны при другой интерпретации. Любопытно, что Дж. Бейлин и другие цитированные выше лингвисты пытаются учесть отдельные результаты И.И.Ковтуновой, в частности, — объяснить тот факт, что русские предложения, начинающиеся с второстепенного члена, могут быть коммуникативно нейтральными. Для этого ими используется т.н. параметр Развернутой Проекции (Extended Projection Principle, EPP), требующий обязательного заполнения позиции перед финитным глаголом. По существу, речь идет о попытке приписать русскому языку формальное ограничение типа V-2, которое действует в немецком языке и прочих «языках со вторым местом глагола», где перед вершинной частью сказуемого может стоять ровно один член предложения. Как и следовало ожидать, материал опровергает данную гипотезу, так как предложения типа рус. *Нашу ↗лабораторию (1) в ↗июне (2) посетил (3) профессор ↘Иванов* и *Нашу ↗лабораторию (1) профессор ↗Иванов (2) посетил (3) в ↘июне* полностью грамматичны и достаточно частотны. Нет оснований считать, что в русском языке есть модели предложения, использующие ограничения V-2 и EPP. Специальный случай с выносом обстоятельства места в начало предложений с т.н. Локативной Инверсией типа *Красивая ↗девушка (1) курит (2) у ↘окна* → *У окна ↗ (1) курит (2) красивая ↘девушка*, ^{??}*Красивая ↗девушка (1) у окна (2) ↘курит* — разобран в нашей работе (Циммерлинг 2007), где доказывается, что предложения с Локативной Инверсией порождаются линейно-акцентным преобразованием «вынос рематичной ИГ в конец фразы», а не перемещением финитного глагола на второе место в предложении, как полагают Дж. Бейлин, Э. Уильямс и их единомышленники. Можно сделать вывод о том, что результаты отечественных поборников «объективного порядка слов» и американских синтаксистов, развивающих последние версии порождающей грамматики Н. Хомского, смыкаются. Едва ли такое совпадение будет приятно представителям обеих школ.

3. *Синтаксические ограничения и свободный порядок слов.* Правила линейно-акцентных преобразований не носят запретительного характера, т.е. не являются синтаксическими ограничениями. Однако противопоставление языков с твердым и свободным порядком нежелательно сводить к констатации, что в русском и других языках, предположительно имеющих «свободный» порядок, не действуют те

или иные формальные ограничения, выделенные на материале английского или немецкого языков. Такой подход вернет нас назад к нестрогим рассуждениям о том, что «в языке А порядок слов подчиняется правилам, а в языке В — нет». Для того чтобы построить и с ч и с л е н и е правильно построенных русских предложений делать прогнозы о том, какие линейные варианты предложений будут допустимы в данном языке, требуются, во-первых, сведения о существующих ограничениях, а во-вторых — формальное определение отношения свободного порядка. Данная проблема изучается двумя дисциплинами — математической лингвистикой и лингвистической типологией. Мы отстаиваем критерий, предложенный в книге (Циммерлинг 2002, 78):

- Язык L имеет свободный порядок элементов предложения, если относительное расположение двух любых произвольно взятых категорий предложения X и Y может быть обращено: $[X + Y] \Rightarrow [Y + X]$.

Данный критерий выделяет примерно тот же класс языков, что используемый в западной лингвистике критерий *перемешивания* или *скрэмлинга* (Scrambling). Русский служит примером языка с т.н. неограниченным *скрэмлингом* (unbounded scrambling), когда в одной и той же области в произвольном порядке размещаются зависимые элементы разных вершин. Областью скрэмлинга в русском языке является элементарное финитное предложение. Некоторые языки допускают т.н. *дальний скрэмлинг* (long-distance scrambling), т.е. вынос синтаксического элемента за границы финитного предложения, вводимого подчинительным союзом (complementizer). Допустимость дальнего скрэмлинга не свидетельствует о большей свободе порядка слов. Так, английский язык, имеющий фиксированный порядок слов (скрэмлинга в пределах финитного предложения нет), тем не менее, допускает предложения типа англ. *That guy_i, they say, [that the boss fired ____i from the company]* «Прошли слухи, что начальник уволил того парня из фирмы», букв. «Тот парень_i, прошли слухи, [что начальник уволил ____i из фирмы]». Напротив, в русском языке, имеющем свободный порядок слов, т.е. неограниченный скрэмлинг в финитном предложении, такие высказывания затруднены, ср. рус. *?Тот парень_i, прошли слухи, [что ____i уволился с работы]*, рус. **Того парня_i, прошли слухи, [что выгнали ____i из класса]*. Запрет на предложения данного типа в русском языке прямо не связан с нормативной стилистикой: для разговорной речи подобные примеры столь же нехарактерны, как и для кодифицированных текстов. Предварительно можно предположить, что в русском языке дальний скрэмлинг не запрещен полностью, однако вынос элемента из придаточного предложения, вводимого подчинительным

союзом, зависит от ряда слабо осознаваемых говорящими факторов, таких как контраст подлежащего/дополнений или различия в семантике сказуемого, ср. неуместность примеров с выносом обстоятельства образа действия, вроде рус. **Отважно, прошли слухи, [что он защищался ___i]*. В любом случае, вопрос о допустимости дальнего скрэмблинга остается периферийной проблемой русского синтаксиса, которая не имеет большого практического значения. Значительно большее значение для русского и типологического синтаксиса имеет проблема т.н. множественной инверсии. В русском языке предложения с общей лексико-синтаксической структурой, но разным линейным порядком словоформ, могут отличаться расположением двух и более пар словоформ. Данный параметр выделен в работах А.В. Циммерлинга (Циммерлинг 2006; Циммерлинг 2007, 544) под названием «множественная инверсия». Теоретическое значение множественной инверсии заключается в том, что предложения с общей лексико-синтаксической структурой, различающиеся расположением двух и более пар элементов, нельзя получить друг из друга за один шаг анализа: шагом анализа является правило, меняющее расположение ровно одного элемента предложения, который считается активно перемещающимся (Циммерлинг 2006: 542). Практическое значение множественной инверсии заключается в том, что при порождении предложений говорящий/пишущий стремится нащупать оптимальный порядок слов. То же самое делает редактор письменного текста, который правит чужой или собственный текст. При этом регулярно возникает множественная инверсия, наличие которой не осознается или слабо осознается автором/редактором, ср. <статьи> *сократить которые было как раз нетрудно* [12345] → <статьи> *которые было как раз нетрудно сократить* [23451].

Неправильно думать, будто все возможные линейные порядки словоформ предложения коммуникативно оправданы, и что вся совокупность разрешенных линейных вариантов непременно должна относиться к одной и той же лексико-синтаксической структуре, т.е. выражать то же самое предикативное содержание. Однако т.н. негативный языковой материал, а именно — синтаксические ошибки в устных и письменных текстах русского языка — показывают, что многие носители русского языка, порождая тексты, руководствуются именно этой иллюзией. Так, грамматически правильное предложение рус. *63-летний Вася начал [ежедневно бегать в магазин за водкой]* не имеет линейного варианта → **Ежедневно, 63-летний*

Вася начал [_____бежать в магазин за водкой], хотя причины аномалии⁸ не лежат на поверхности. В самом деле, русский язык разрешает вынос обстоятельств в начало предложения, перед главными членами. Обстоятельство *ежедневно* тоже обладает подвижностью и может открывать предложение. Однако при данном составе высказывания перенести обстоятельство *ежедневно* из группы инфинитива в начальную позицию нельзя: слово *ежедневно* указывает на то, что событие, называемое предикатом, относится к числу повторяющихся. Между тем, вершинный глагол *начать* указывает на начальную фазу события (независимо от того, является ли оно повторяющимся или однократным). Тем самым, обстоятельства типа *ежедневно* входит в сферу действия инфинитива и исключается из сферы действия вводящего инфинитив глагола *начать*. Несоблюдение этого условия породило аномалию. Данный пример поучителен тем, что он показывает: даже в языке со свободным порядком слов есть элементы, которые закреплены за определенным отрезком предложения и не могут произвольным образом менять свой тематический статус, сферу действия и место в предложении.

Парадоксальным следствием из принятого выше критерия свободного порядка слов является то, что в один класс с русским языком попадут некоторые языки с формально-синтаксическими ограничениями. В таких языках, как древнеисландский, древнерусский или современные польский и чешский, отдельные классы слов занимают фиксированное положение относительно левой границы предложения. Мы видели, что отдельные исследователи этих языков протестуют против применения понятия «свободный порядок слов» к этим языкам. Тем не менее, анализ подтверждает, что в названных языках нет запретов на перестановку элементов в группах предложения. Этот парадоксальный результат лишней раз подтверждает плодотворность проведенного Б.Дельбрюком различения относительной и абсолютной позиции элементов.

Соотношение локальных и глобальных правил в синтаксисе порядка слов и формальных запретов на развертывание предложения и перемещение его элементов нуждается в дополнительном исследовании. Подытоживая материал статьи, можно сделать вывод о том, что значительная часть рассмотренных явлений характерна как для устной, так и для письменной формы русского литературного языка. Ограничения

⁸. Фраза данного типа встретилась нам в письменном тексте русских СМИ за 2007 г. Мы точно воспроизвели грамматическую структуру аномального примера, заменив имя собственное и лексическую часть сказуемого.

на развертывание предложения, по большей части, связаны не с давлением нормативного сознания, а с системными характеристиками русского синтаксиса. Современный русский должен быть причислен к языкам со свободным порядком слов: классы слов не имеют фиксированного места в предложении, относительное расположение двух любых произвольно взятых категорий предложения X и Y может быть обращено. Одно и то же предложение может реализоваться в виде множества линейно-акцентных вариантов, образующих коммуникативную парадигму предложения. Линейно-акцентные варианты могут различаться расположением двух и более пар синтаксических элементов. Один и тот же линейный вариант может быть неоднозначным и допускать разные коммуникативные прочтения и разное интонирование. Синтаксические концепции, приписывающие русскому языку фиксированный порядок слов, не могут описать языковую интуицию носителей русского языка и правильно предсказать линейно-акцентные преобразования и процессы варьирования порядка слов, наблюдаемые в живой речи.

ЛИТЕРАТУРА

- Bailyn J.F.* Generalized inversion // *Natural Language and Linguistic Theory*, 22 (2004), 1-49.
- Delbrück B.* Germanische Syntax, Bd.II. Zur Stellung des Verbums. Leipzig, 1911. 76 S.
- Greenberg J.H.* Some universals of grammar with particular reference to the order of the meaningful elements // *Universals of language*, Cambridge, Mass. 1963, p. 73-113.
- Jakobson R.* Les enclitiques slaves // *Selected Writings II. Word and language*. The Hague – Paris, 1971: 16 -22.
- Slioussar N.* Mysterious nature of the Russian EPP // *SLS 1 Conference*, Bloomington, 8-10. September 2006.
- Wackernagel J.* Über ein Gesetz der indogermanischer Wortstellung // *Wackernagel J. Kleine Schriften*. Bd. I, Basel, 1953, 1-103.
- Williams E.* Subjects of Different Heights // *FASL 14 Conference*. Princeton, 2005.
- Zimmerling A.* Encoding strategies in Word Order: the Evidence of Slavic Languages // *SLS 1 Conference*, Bloomington, 8-10. September 2006.
- Грамматика Русского Литературного Языка. Т 2. Синтаксис/ Н.Ю.Шведова.* М., 1982.

Зализняк А.А. Лингвистические исследования и словоуказатель // В.Л.Янин, А.А.Зализняк. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1984-1989 гг. М.: Наука, 1993, 191-343.

Крылов С.А. Дополнение // Энциклопедия «Россия on-line» 2001. www.krugosvet.ru.

Крылов С.А. О понятии дополнения в современной лингвистике // Язык и действительность. Памяти В.Г.Гака // М. –УРСС. 2007.

Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., Просвещение, 1976.

Кротовская Я.А., Кашкучевич Л.Г., Лесная Г.М. & Н.В.Селиванова. Практический курс польского языка. М.: Восток-Запад, 2005.

Падучева Е.В. Коммуникативная структура предложения и понятие коммуникативной парадигмы // Научно-техническая информация, Сер. 2. 1984, N 10.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 6-е. М., 1938.

Циммерлинг А.В. Типологический синтаксис скандинавских языков. М., «Языки славянской культуры», 2002.

Циммерлинг А.В. Отношение свободного порядка слов и модели инверсии // Труды международного семинара «Диалог 2006: компьютерная лингвистика и информационные технологии». Москва, 2006, 541-544.

Циммерлинг А.В. Локативная инверсия в языках со свободным порядком слов // Труды международной конференция «Диалог 2007: компьютерная лингвистика и информационные технологии». М., 2007, 542-549.

Янко Т.Е. Коммуникативная структура с неингерентной темой // Научно-техническая информация, Сер. 2, 1991, No. 7, 27-32.

Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М., Языки славянской культуры, 2001.

Янко Т.Е. Повествовательные предложения с препозицией глагола // Язык и культура. Факты и ценности. М., 2001a, 371-382.